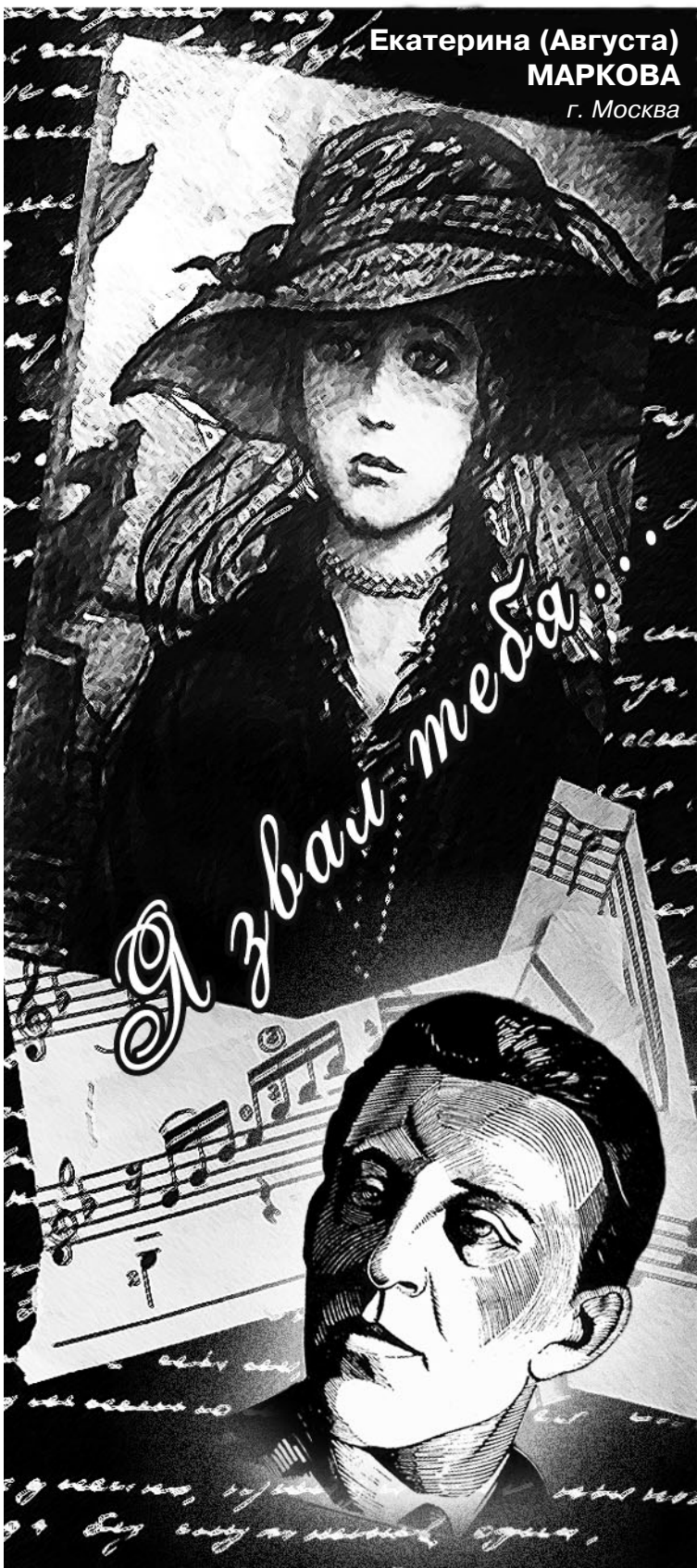

**Екатерина (Августа)
МАРКОВА**
г. Москва

«Дневник, написанный стихами» – так определил Александр Блок свои книги. Начинается любовная лирика Блока со стихов, посвященных К.М.С.

*В такую ночь успел узнать я,
При звуках ночи и весны,
Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны.*

16-летним мать привезла его в курортный немецкий городок Бад-Наугейм. Там случился роман со взрослой женщиной, ровесницей матери, у которой к тому времени было уже трое детей, Ксенией Михайловной Садовской. После близости у юного Блока появилось сознание взрослости и чувство «сладкого отвращения»...

Первая любовь вдохновила его на прекрасные стихи и довольно наивные письма: «Ты для меня – всё; наступает ночь, Ты блестяшь передо мной во мраке, недосыгаемая, а всё-таки всё моё существо полно тогда блаженством, и вечная буря страсти терзает меня...», «...несравненная роза юга... мгновенным порывом страсти...» и т. д. и т. п. Какой гимназист не сочинял нечто похожее?

«С января уже начались стихи в изрядном количестве. В них – К.М.С., мечты о страстях...» – так писал Блок в Дневнике 1918 года, вспоминая мившее двадцать лет назад.

*Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли.*

Он бродил под её окнами под дождём, умолял хоть на время, в его объятьях, забыть детей. Встречались они в маленьких гостиницах.

Но в августе 1898 года возникла новая, главная любовь – Любовь Дмитриевна Менделеева. Первое время его чувство двоилось:

*Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути...*

Выбор сделан душой в пользу Л.Д.М. Встречи с Садовской всё-таки продолжались до 1899 года.

В тягостную пору жизни Блок снова оказался в Бад-Наугейме (1909 г.) и всё вспомнил:

*Иль первой страсти юный гений
Ещё с душой не разлучён,
И ты навеки обручён
Той давней, незабвенной тени?..*

Был написан цикл любовной лирики «Через двенадцать лет».

Подмосковное имение Бекетовых–Блоков Шахматово находится в нескольких верстах от Боблово – имения Дмитрия Ивановича Менделеева. «Пропадая на целые дни – до заката, он очерчивал всё большие и большие круги вокруг родной усадьбы, всё новые долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех холмов то в большем, то в меньшем удалении – высокая ель на гумне и шатёр серебряного тополя над домом... ...вдруг дорожка в лесу, он сворачивает, заставляет лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная, незнакомая даль, а сбоку – фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблона...» Такую прозу писал Блок уже перед смертью (июль 1921 года). Так когда-то начиналась Прекрасная Дама...

Первое стихотворение в первой книге, названной Корнеем Чуковским большим молитвенником, было:

*Я прошёл под окно, и, любовью горя,
Я безумные речи шептал...
Утро двигалось тихо, вставала заря,
Ветерок по деревьям порхал...*

В усадебном театре ставили «Гамлета». Менделеева – Офелия, Блок – Гамлет. Здесь, в костюмах шекспировских героев, они смогли наконец дать знак друг другу о самом сокровенном, непроизносимом... На следующий день было написано «Воспоминание о «Гамлете» 1 августа в Боблово». В молодой лирике Блока «Гамлет» занял значительное место. В поздней лирике «Гамлет» явился снова, уже вобравший в себя весь трагизм двух судеб – Л.Д.М. и Блока.

*Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетёт коварство сети,
И в сердце первая любовь
Жива – к единственной на свете.*

*Тебя, Офелию мою,
Увёл далёко жизни холод.
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.*

В юности Блок мечтал стать актёром. Но по детской правдивости своей души из каких-то ролей он не мог выйти годами.

Катехизисом его ранних лет было учение Владимира Сергеевича Соловьёва о Софии Премудрости, Мировой Душе, Вечной Женственности, Деве радужных Ворот. Единая внутренняя природа мира есть Мировая Душа, которая обновит и спасёт мир в последние времена.

Блок с немецкой аккуратностью впустил в свою русскую душу учение философа, он боготворил поэзию Вл. Соловьёва:

*Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идёт.
В свете немеркнувшем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.*

Племянник философа и сын известного математика Борис Бугаев (в будущем Андрей Белый) вместе с Блоком составили мистическую группу соловьёвцев «Аргонавты». В стихах Блок, подобно Данте или немецким романтикам, обожествил румяную, здоровую живую девушку – Любу Менделееву.

*Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать...*

«Аргонавты» избрали Блока своим пророком.

В девических мечтах Люба думала о земном счастье, «но никогда не заблудились мы в цветущих кустах...». Так писала она в воспоминаниях.

Свадьба была с соблюдением всех старинных обрядов... Но – дальше Л.Д.М. так и осталась Женой с большой буквы. В начале века молодёжь, особенно экзальтированные девушки, мечтала о таком духовном браке, как у Блоков, – это даже отражено в романе Пастернака «Доктор Живаго». А каково было Менделеевой? За обеденным столом в Шахматове «Аргонавты»-соловьёвцы всматривались в каждое её движение, находя в них высший смысл, и многозначительно переглядывались.

Блок внушил Любове Дмитриевне, что близость их не должна быть сведена к «вульгарным формам». Сергей Соловьёв рассуждал об Афродите небесной (Афродита Урапия) и площадной (Афродита Пандемос), о «драконе похоти», о тёмной стихии астартизма. Допустима только «белая любовь Иоаннова». Блок внушал ей, что астартические отношения с другими возможны, но они ненадолго и не могут поколебать гармонии их союза... «А – я?» – «И ты так же» (т.е. можешь себе позволить астартизм на стороне...). Конечно, не

так прямолинейно, а с упоминанием Сверхбытия, и «непознанного, Исходящего от Вас».

«Стихи о Прекрасной Даме» – шедевр всемирный, но какой ценой...

В письмах он писал: «Я злюсь на тех, кто не Ты, Ангел Светлый, Ангел Чистый, моя Судьба, моё Всё». Она восхищалась им, пыталась смириться с ТАКИМ браком.

В домашней жизни Блок был аккуратен до болезненной стерильности. Его спрашивали, почему? Отвечал: «Не хочу впускать хаос в гармонию». При этом он мог напиваться до бесчувствия в грязных кабаках, приглашать в номера женщину «с Невского»... (Горький передавал рассказ проститутки, которая заснула на руках у Блока: «...красивый, на иностранца похож». Блок не стал её тревожить, пожалел, оставил 25 рублей.) Из кабацкого хаоса вырос образ Незнакомки.

...Из беседы Блока с Пястом.

Пяст:

– Знаете, я думаю, что я совершенно по-своему понимаю и ваши стихи. Вашу «Прекрасную Даму». Ведь в ней я вижу вот что: тайну. И мне кажется, что, когда вы пытаетесь ее выразить, охватить осязательнее, – вам это не удается. Но в этом-то все и дело. Тут не любовь главное, как я понимаю, а именно это леденящее, неохватимое. Выхождение...

Блок: – Ну, конечно же так. «Прекрасная Дама» – это только название, термин; к тому же данный Валерием Брюсовым.

Пяст: – Ну, я так и думал. Но всё же я ничего не знаю. Не знаю, чувствуете ли вы, что она – то, о чем я вам говорю. Не действует ли на меня так только красота ваших стихов?

Блок: – Ну да, именно это, то есть то, что вы говорили – «Прекрасная Дама». А что – невозможно выразить.

(Пауза – недолгая, но внятная.)

– А Христа я никогда не знал.

Это было сказано совершенно неожиданно, без всякого приготовления: о Христе во всем предыдущем разговоре не было произнесено ни слова. И когда я, не удивившись совершенно такому переходу, признался со своей стороны, что тоже не ощущал Христа, – «только разве один раз, и то – поверхностно, в один благоуханный летний вечер, на поляне у входов к «горе Пик», – Блок продолжал:

– Ну, и я, может быть, только раз. И тоже, кажется, очень поверхностно. Чуть-чуть... Ни Христа, ни Антихриста.

Мы давно уже стояли около парадного входа [...] и долго прощались, не могли расстаться.

Незнание Блоком Христа, ни в его Божественном, ни в человеческом образе, продолжалось и через двенадцать лет, когда он писал свои «Двенадцать», и Христос, по его признанию, вошел в поэму помимо его сознания и воли, и не в том образе, про который язычник Пилат сказал бы: «Ессе Номо»^{*}.

В «Русской идее» у Н.А. Бердяева есть мысль о том, что у русских нет промежуточного между ангелом и диким зверем. То же у Ф.М. Достоевского – Мышкин и Рогожин – посередине – нечто уродливое.

Блок эстетически не принимал благополучия. Благополучие не может быть прекрасным по Блоку.

Пускай зовут: ЗАБУДЬ, ПОЭТ!

ВЕРНИСЬ В КРАСИВЫЕ УЮТЫ!

Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!

Уюта – нет. Покоя – нет.

Близкие люди страдали. Он жалел тех, кто попал в его орбиту. Не попасть было трудно. (Как вспоминает Чуковский, за всю свою долгую жизнь он не встречал в человеке такого магнетизма.)

Любовь Дмитриевна не выдержала мучительной жизни. У неё были встречи, влюблённости, связи – «брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной ухаживать» (Андрей Белый, Чулков, молодой украинец «паж Дагоберг», от которого она родила сына Дмитрия. Блок принял ребёнка, хотел усыновить, но он прожил лишь несколько дней.) Обо всём общала Блоку, он просил об этом, страдал, писал:

Но час настал, и ты ушла из дому.

Я бросил в ночь заветное кольцо.

Свою судьбу ты отдала другому,

И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, кружась проклятым роём...

Вино и страсть терзали жизнь мою...

И вспомнил я тебя пред аналоем,

И звал тебя. Как молодость свою.

Любовная лирика – лирика и о России. Обращение к Жене переходит в обращение к Родине. Знаменитое – «И вечный бой. Покой нам только снится» звучало первоначально:

^{*} Вот человек.

*И вечно – бой! И вечно будет сниться
Наш мирный дом.
Но – где же он? Подруга! Чаровница!
Мы не дойдём?*

Современникам казалось, что Александр Блок может ответить на главные вопросы уходящей России, в стихах его прозревалось знание ТАЙНЫ... Над гробом Михаила Врубеля, с которым у Блока много общего, он говорил о смысле творчества: «Все дни и все ночи налетает глухой ветер из тех миров, доносит обрывки шёпотов и слов на незнакомом языке; мы же так и не слышим главного. Гениален быть может тот, кто сквозь ветер слышал целую фразу, сложил слова и записал их, мы знаем не много таких записанных фраз...» Блока всю жизнь мучили «детские» вопросы – о вечности, о любви и смерти... Он каменел от разговоров о злободневной политике, так же, как от изрядного количества выпивки.

Мнится, что Александр Блок, подобно русским юродивым (явление, присущее только России), ночевавшим прямо на снегу на паперти босыми, – своей судьбой изломанной, ожиданием катастроф показывал грядущее скорбное России в XX веке...

Шли годы. Блок возвращается в театр, он пишет пьесы. Знакомится с Комиссаржевской, Мейерхольдом. Влюбляется в актрису Волохову Наталью Николаевну... К слову сказать, Блок видел существенную разницу между «любить» и «влюбляться».

Мария Александровна Бекетова, сестра матери Блока (кстати, надо упомянуть, что Блок считал, что он и мать – одно. Об их сверхмистических отношениях много написано), со слов матери записывает в Дневнике: «Саша хочет жить отдельно от Любы» (4 февраля), «Волохова не любит Сашу, а он готов за нею всюду следовать» (15 февраля). «Волохова полюбила Сашу» (12 марта).

Андрей Белый так описывает Наталью Николаевну: «Волохова – очень тонкая, бледная и высокая, с чёрными, дикими и мучительными глазами, с руками худыми и узкими, с очень поджатыми и сухими губами, с осиной талией, черноволосая, во всём чёрном...» Далее он пишет, что Александр Александрович её побаивался, почтительно выполнял команды, что в ней присутствовало нечто «тёмное». В «Снежной маске» и в «Фаине» – тонкие чары тёмной женщины. Образ двоятся. С одной стороны: «Одна Наталья Николаевна русская, со своей русской «случайностью», не знающая, откуда она, гордая, красивая и свободная» (Дневник Блока). С другой стороны:

*Когда гляжу в глаза твои
глазами узкими змеи
и руку жму любя,
эй, берегись!
Я – вся змея!
Смотри: я миг была твоя
и бросила тебя!*

Вспоминаются женщины Достоевского.

Забавен ответ на известную книгу Бебеля «Женщина и социализм», иллюстрирующий несовместимость Блока с любой «политикой». Бебель возмущался неравенством женщин. Блок спорит с ним:

*Ты говоришь, что женщина – раба?
Я знаю женщину. В её душе
Был сноп огня. В походке – ветер.
В глазах – два мира скорби и страстей.
И вся она была из лёгкой персти –
Дрожащая и гибкая. Так вот (...)
Она могла убить –
Могла и воскресить. А ну-ка ты
Убей, да воскреси потом! Не можешь?*

Это тоже вдохновлено Волоховой.

Фаина – русская национальная стихия. Волохова разве что на сцене могла воплотить этот символ...

Снова Блок возвращается к жене: «Нам необходимо жить вместе и говорить много, помогать друг другу. Никто, кроме тебя, не поможет мне ни в жизни, ни в творчестве».

*Что, если я замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничтоженный, –
Ты можешь ли меня простить.*

Всё-таки душой он был с ней. Умирал на её руках и матери – таких разных и близких ему женщин. Задыхался и всё время спрашивал одно и то же, все ли экземпляры «Двенадцати» уничтожены? Страхился, что уцелеет хоть один экземпляр... Тайна.

В Дневниках Блока есть страшные свидетельства его деятельности после Февральской революции. А.А. Блок добился, благодаря министру М.И. Терещенко, работы в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) в качестве редактора материалов допросов царских сановников (всего 59 человек).

7 мая 1917 г. сенатор А.Ф. Кублицкий-Пиоттух (близкий родственник) предупредил поэта, что ЧСК «скандальное учреждение» и что оно повесит людей юридически невинных. Но Блок согласился на работу в нем... Без комментариев привожу

описания Блоком несчастных узников революции, маявшихся в Петропавловке:

12 мая: «Культуры никакой в Белецком (бывший директор Департамента полиции) нет... Короткие пальцы, желтые руки и лицо маслянистое, сильная седина, на затылке черные волосы... Острый черный взгляд припухших глаз. Нос пипкой...»

15 мая: «Горемыкин (бывший председатель Совета министров, 77 лет)... Воли уже у него нет, не на что действовать. – Говорит еле слышно почти всегда. – Случайно напоминает. О, какой дряхлый, сейчас умрет. Кожа местами ярко-сизая. – Стекланные глаза...»

17 мая: «В перерыве между допросами Белецкого я ходил вслед за Муравьевым (председатель ЧСК), записывая кое-что по камерам. Мы были у: 1) Воейкова, 2) Андроникова, 3) Вырубовой, 4) Макарова, 5) Кафафова (который плакал), 6) Климовича...»

19 мая: «Комендант сказал, что Вырубова все плачет и жалуется. Мы зашли к ней... Говорит все так же беспомощно, смотря просительно, косясь на меня. У нее все данные, чтобы быть «русской красавицей», но в чем-то давно и непоправимо искажено, затаскано.

Потом – к Манасевичу-Мануйлову. Он слепнет на один глаз и жалуется, что нечем лечить, нет электричества. Омерзительный, малорослый, бритый...»

28 мая: «Кроме m-me Сухомлиновой, внушает ужас Собецанский... А Беляев, с неврастенической спазмой в горле, плачущий? А Дубровин, всхлипнувший и бросившийся целовать руку Муравьева, – потом с рыданием упал на койку (гносные глаза у старика)?.. А мерзостный Штюрмер – большая тоскливая развалина, все еще хитро (и глупея) вздевает на нос черепаховые очки?» (Б.В. Штюрмер – бывший министр иностранных дел, 69 лет, умер в казематах Временного правительства.)

В «Записных книжках» А.А. Блока еще много можно найти смачных «писательских» характеристик на политических заключенных.

Тогда Александр Александрович задумал добровольно составить «обвинительный акт против царизма», опубликованный в 1921 году под названием «Последние дни императорской власти» (по мнению современников, это была самая постыдная его книга). Надо сказать, что в «Делах» узников, упоминаемых Александром Блоком, следователи за 6 месяцев следствия так и не нашли никакого криминала...

В 1917 году Александр Блок не написал ни одного стихотворения.

Может быть, гениальный ученик Владимира Соловьёва когда-то принял Антихриста за Христа и ЭТО его убило?

Предсмертные мучения Блока были невыносимы. ...Оптинский старец Нектарий после смерти Блока просил успокоить мать, мол, «Александр уже в Раю...».

Но речь о любовной лирике. Последняя сильная влюбленность Александра Блока отражена в Цикле «Кармен». В феврале 1914 года, незадолго до Катастрофы России, Блок был в опере. «Пела Андреева-Дальмас – моё счастье», – записал он в своём Дневнике.

*О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...*

*И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне,
Ваш образ, дорогой навек...*

Цикл «Кармен» был задуман до романа с Любовью Дальмас... Блок искал в обыденной жизни подтверждение существования иной отчизны, где всё пошлое сгорает в настоящей духовной страсти, в которой человеку дано ощутить и землю, и звёзды... «Страстная бездна, и над ней носятся обрывки мыслей о будущем»; «Золотой, червонный волос... – из миллионов единственный»; «Я ничего не чувствую, кроме её губ и колен»; «Она приходит ко мне, наполняет меня своим страстным дыханием, я оживаю к ночи...».

Но всё кончено. Уже 31 августа 1914 года Блок пишет:

*Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...*

В 1915 году снова короткая встреча с Л.А. Дальмас. На издании «Соловьёвского сада», подписанного ей, – надпись рукой Блока: «Той, которая поёт в соловьином саду».

*Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть навеки, ушла...*

*Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело своё, –
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твоё?*

Екатерина (Августа)
МАРКОВА

г. Москва

*Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь!*

Марина Ивановна Цветаева и есть воплощенная любовь. Ее любовная лирика – это крик раненого зверя, восторг вселенского утра. Воскресение и падение в бездну. Она существует в стихии греческой трагедии. Кто из современников мог встать рядом как равный? Сергей Эфрон – муж любимый, превозносимый в стихах всю жизнь, в какой-то момент, уставший от ее постоянных влюбленностей и почувствовавший опасность (напрасно) для их союза, писал в отчаянном письме Максимилиану Волошину (в октябре 1923 года): «Марина человек страсти. Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана, сейчас неважно... Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживается скоро, М. предается ураганному же отчаянию». Эфрон тонко и заботливо понимает Цветаеву на земном уровне и абсолютно не чувствует на главном, нездешнем – Константин Родзевич – объект самых страстных поэм XX века променял на простую, заботливую хозяйку любовь богини, Лилит. В поздние времена он каялся: «Я был слаб: именно по моей вине, по моей слабости наша любовь не удалась... мне надо было устроиться в Париже. Женитьба обеспечивала быт».

Ревность в стихах Цветаевой – это не простая человеческая ревность, такое не допустила бы Любовь с заглавной буквы. Если ее возлюбленный сверг ее с престола, он и сам уже не на троне, он сам становится «любим», уже неизбранным. А простой теплой жене достается от нее яростно и, конечно, незаслуженно. Достается от Лилит, от плавучего по небесам острова, от нездешней женщины, не из ребра...

Но вот в конце стихотворения «Попытка ревности», после всех зевсоподобных метаний молний, пронзительная, почти мольба. И, может быть, в этом вся Цветаева:

*Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли, как мне с другим?*

Последняя ее любовь – молодой, красивый, довоенный Арсений Тарковский. Родственники вспоминали, что она звонила по телефону в 2 часа ночи под предлогом, что забыла у него платок, а у Арсения Александровича уже была прекрасная жена (образ которой так пронзителен в фильме Андрея Тарковского «Зеркало»), двое маленьких деток... Цветаеву сжигала любовь, в том же письме Эфрон говорит: «Земля давно ушла из-под ее ног». Эпистолярное обожествление Рильке, не виденного в жизни ни разу. Она оплакивает его, узнав о его смерти, как самого близкого человека, «любимого»... Только это слово в стихах к Рильке – всегда по-немецки.

*Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть – садовница.*

Без Любви – с большой буквы, равновелика Смерть – с заглавной...

Она искала, ловила такое же восприятие в других людях, как чистый воздух. Она и Чехию не могла оторвать от сердца из-за страстной любви народа к своей родине – так она говорила о чехах.

Любовь во всех ее проявлениях – единственный способ существования на Земле.

Какая любовная лирика незадолго до смерти!

*Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Все – мел.
За чем ни потянусь.
...Мне хлебом был,
И снегом был,
И хлеб не мил.*

1940

В предсмертном Дневнике она пишет, что никогда и никому не нравились ее стихи. Так она чувствовала...

Страдала от крошечного непонимания. Многие каялись после ее смерти, но это обычно и земно... А Марина Ивановна не была земной...

Заранее и в смерти своей грозила любовью из «гробового сугроба»:

*Нет, выпростаю руки! Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.*

Вот откуда – глобальное потепление! (Но это шутка...)

Екатерина (Августа) МАРКОВА –

член Союза писателей России с 1997 года.

Окончила Литературный институт им. А.М.Горького.

*Много лет работала старшим редактором
в издательстве «Современник».*

*Редактировала В.Катаева, Ф.Абрамова,
В.Каверина, В.Солоухина...*

*Впервые после революции издала Г.Газданова, Вл.Соловьёва,
Константина Леонтьева, Амфитеатрова, Арцыбашева и т.д.*

*Автор многих поэтических сборников, книги о М.Цветаевой,
статей о поэтах Золотого и Серебряного веков.*

Переводчик Гарсиа Маркеса.

В журнале «Север» публикуется впервые.

